

Глава первая

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Самолет шел на большой высоте. За окнами бесконечной пропастью темнела земля. Трое пассажиров в кабине напряженно вглядывались в черную глубину. Изредка они перекидывались взглядами, и глаза у всех были встревоженные.

Четвертый пассажир казался спокойным. Он безучастно дремал, откинувшись на спинку брезентового сиденья — шезлонга. Но, если бы те трое пригляделись повнимательнее, они увидели, каким настороженным взглядом сквозь вздрагивающие ресницы окидывал их этот человек.

Трое молчали и смотрели в окна. Сейчас одна судьба соединила их. Но какими разными дорогами пришли они все к той одной, которая вела их в неизвестность — может быть, на верную гибель!..

Они не знали настоящих имен друг друга, но догадывались, что те имена, с которыми они привыкли обращаться один к другому, — вымышленные. Каждый помнил свое имя, данное ему от рождения. Но этих имен не произносили ни они сами, ни их начальники и инструкторы, давшие им новые имена и тренировавшие их для предстоящего дела.

Сергей, Николай и Владимир — так привыкли они звать друг друга, когда судьба свела их вместе на небольшой уютной даче в горной Баварии. Этот маленький коттедж за глухим забором, выстроенный в глухом, уединенном местечке, был одним из тех пунктов, где тренировались разведчики. Он был одной из многих «учебных подготови-

тельных точек», организованных в Западной Германии американским разведывательным центром.

Тренировки, тренировки, тренировки... Казалось, им не будет конца. Радиодело и тщательная-отработка приемов джиу-джитсу, учебная стрельба и занятия по составлению и расшифровке тайнописи, топографии и специальные беседы — инструктажи по тактике и стратегии тайной борьбы против той страны, которая для каждого из троих когда-то звалась священным словом: родина.

Но среди тренировок и занятий были минуты отдыха. И вот в эти-то минуты каждый из троих, словно замыкаясь в себе, был порой молчалив, задумчив или угрюмо сосредоточен, будто бы каждого тяготили какие-то мрачные мысли, воспоминания или невеселые думы о будущем.

— Хелло, друзья! — весело восклицал при виде их угрюмых физиономий Генрих Беттер — вербовщик новых агентов, частенько навещающий на дачу. — Хелло! Подсчитываете будущие барыши? Вполне понимаю вас. Еще бы! Кругленькая сумма на счете в банке никому не помешает. Тем более вам — молодым сильным парням, начинающим жизнь!..

Сергей, самый рослый из всех троих, плечистый и белокурый, при упоминании о «счете в банке» сразу же заметно оживлялся. Деньги! Да, деньги — ради них стоило жить, идти на риск. Ради денег он когда-то и поддался на уговоры Беттера. Деньги... Деньги!.. Преклонение перед деньгами, уважение к тем, кто богат, с детства прививалось Сергею в семье. В дни войны его отец был бургомистром в одном из городов Крыма. Деньги делали свое дело. И отец Сергея во имя богатства так рьяно служил гитлеровцам, что те милостиво вывели его с семьей в Германию, когда советские войска пядь за пядью освобождали крымскую землю от оккупантов.

По-другому сложилась судьба Николая, сутулого, низкорослого парня с уродливо вытянутой головой и небольшим шрамом под глазом. Шефы считали его самым надежным из всей тройки. Во-первых, потому, что во время войны Николай служил в так называемом «русском национальном» полку «Десна», сформированном гитлеровцами из уголовного сброда; во-вторых, потому, что он крепко обосновался в Германии после войны, женился на немке, у него было двое детей. Этому нечего рассчитывать

на прощение, полагали нынешние хозяева Николая. К тому же семья останется в «залоге», и с его стороны можно не опасаться предательства.

Тяжелая жизнь, нужда, привела в школу разведки и Владимира. Еще мальчиком он был вывезен гитлеровцами в Германию. Оккупанты заманили его, пообещав хвастливо, что в технически первенствующем над всем миром райхе они помогут мальчику выучиться и получить специальность механика. А механиком Владимиру очень хотелось стать. Однако ни в какие мастерские, ни в какую школу Владимиру устроиться не удалось. Не удалось вообще найти работу. Чужой беспощадный мир окружил его плотной стеной равнодушия. Он стал бродяжничать. Несколько раз удалось получить мизерные пособия в эмигрантском «Союзе». Он пристрастился к скачкам в надежде выиграть несколько марок... Когда в Берлин пришла Советская Армия, Владимира, как советского гражданина, мобилизовали в оккупационные войска. Однако тайком от всех он продолжал посещать скачки — это стало уже его страстью. Для игры в тотализатор нужны были деньги. Владимир начал брать их в долг, продавал свои и казенные вещи... И в конце концов он так запутался, что дезертировал и бежал в Западный сектор, где незамедлительно попал в паутину американской разведки.

...Тренировки, тренировки, тренировки... Неделя за неделей, день за днем. И каждый день неотвратимо, безжалостно приближал неизбежную минуту, предстоящего прыжка в неведомое.

И вот эта минута близка... Совсем близка... Потому так встревоженно переглядываются «пассажиры». Потому так судорожно их пальцы сжимают треугольничек парашютного «кольца». Впрочем, дергать за это кольцо не понадобится. Парашют раскроется сам, автоматически.

В начале августа всех троих специальным самолетом перебросили из Баварии в Грецию. Беттер полетел с ними. В маленьком городке близ границы, в небольшом скромном отеле разведчики встретились с полковником Шиллом, американцем, одетым в штатское, похожим на бульдога. Встреча была короткой, и они понимали, что такое высокое начальство, как полковник, не будет долго канителиться. Скорее всего, оно произнесет на прощанье какую-нибудь речь. Так и случилось.

— В наши дни,— сказал полковник Шилл,— когда все волей-неволей должны приспособливаться к той форме существования, которую прогресс техники навязал миру, ни одно государство не может жить изолированно от других, герметически закупориваться в рамки своих границ. Свободный мир надеется на нас, и мы должны оправдать его надежды. Мы обязаны знать, что происходит в мире, ибо мы — это уши и глаза подлинной свободы и демократии.

Полковник помолчал, очевидно собираясь с мыслями, и беззвучно пожевал губами, что еще больше придало ему сходство с бульдогом.

— Вам дано оружие,— продолжал он затем,— и оно должно вам помочь добиться цели.— Тут Шилл простер вперед руку и громко воскликнул:— История запишет ваши имена в число храбрейших солдат — борцов за свободный мир!

Имена... Какие имена запишет история в число «храбрейших солдат» — настоящие или вот эти, вымышленные?.. На этот вопрос ни один из троих не мог бы ответить. Но каких целей они должны добиться с помощью американского оружия, все трое знали по инструкциям, заученным наизусть,— их задачей было собирать информацию о дислокации советских войск, о местах расположения ракетных баз и военных аэродромов, добывать подлинные советские документы граждан: паспорта, удостоверения, пропуска на заводы... Им каждый день втолковывали, что в борьбе хороши все средства: обман, подкуп, угроза, лесть, шантаж, диверсия, поджог, убийство. Все допустимо, но их предупреждали, что надо быть очень осторожными, потому что советская контрразведка обладает большим опытом борьбы со шпионажем.

— Не обольщайте себя надеждой на глупость противника,— сказал им как-то во время занятий инструктор Джон, обучавший их на даче тактике конспирации.

Да, все трое — они не обольщали себя такой надеждой. Впереди их ждало что-то неизвестное и страшное. Ведь туда, на восток, они летели сейчас с такими заданиями, против которых борется вся страна — их бывшая родина. Против них, незваных гостей, там будет решительно все: советские законы, органы государственной безопасности, весь народ — главное, весь народ, каждый советский чело-

век, и малый и старый. И сама земля вместо опоры может стать их могилой...

Чем ближе была невидимая граница, которую должен пересечь самолет без опознавательных знаков и сигнальных огней, тем все тревожнее становилось на душе у «пассажиров».

Стараясь себя подбодрить, Сергей считал, сколько заклепок в потолке и в бортах кабины самолета. Он загадал — если число будет четным, значит, ему повезет. Он верил в свое счастье — его «звезда» всегда горела ярким негаснущим светом. Иногда — это бывало — она чуть меркла, но никогда не гасла. Правда, сегодня тринадцатое число. Несчастливая цифра. А впрочем... Сергей взглянул на часы. Стрелки показывали половину второго ночи. Значит, уже не тринадцатое, а четырнадцатое — четырнадцатое сентября 1953 года...

Николай хмуро смотрел в окно. Самолет снижался. Это было заметно по тому, как закладывало уши. Кроме того, кое-где внизу замерцали далекие огоньки. Неужели это — конец пути и сейчас надо будет прыгать? Быть может, там, внизу, пеленгаторы уже поймали «цель», и в небо уставились зияющие жерла зениток?.. Быть может, прыгнув, они все втроем сразу же попадут в руки пограничников или советской контрразведки?

Постоянно — то инструкторы, то сам Беттер — внушали им, что попасть в руки «службы безопасности» — это значит наверняка погибнуть мучительной смертью. Кто-то однажды принес в коттедж листок эмигрантской газетки «Посев», издающейся в Западной Германии. Вся газетка от первой до последней строчки была посвящена расстрелянным в Советском Союзе шпионам — Лахно, Макову, Горбунову и Ремиге.

Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла им 27 мая 1953 года смертный приговор. «Мучительная смерть», «нечеловеческие пытки», «жестокость озверелых большевиков»... — то и дело мелькали строчки. Преступников, пойманных советскими чекистами, называли в газетке «героями, отдавшими жизнь во имя «свободного мира». Этот номер эмигрантского листка произвел на Сергея, Владимира и Николая гнетущее впечатление. Беттеру с трудом удалось убедить их, что Лахно, Маков, Горбунов и Ремига провалились только потому,

что не придерживались в точности инструкций и вели себя неосторожно.

— Главное, старайтесь не попадаться,— сказал он.— Добудьте себе настоящие советские документы.

— А если все-таки?..— проговорил угрюмо Николай.

— Тогда лучше покончить с собой, чем подвергнуться мучениям.

Беттер говорил по-русски довольно хорошо, но «ученикам» иногда казалось, что речь немца звучит слишком уж вычурно.

Об этом номере «Посева» вспоминал сейчас и Владимир. Смерть, смерть... О ней не хотелось думать. Ведь он еще молод. И он не уголовный преступник, как Николай. Он не служил в полку «Десна», не участвовал в облавах на советских патриотов, не ходил в карательные экспедиции против партизан... Родина может еще простить. И его родители не сотрудничали с гитлеровцами, как отец Сергея. Может быть, на далекой Смоленщине, в деревеньке, что спряталась за палисадниками с буйно разросшейся сиренью, жива его мать... Но он дал согласие работать на иностранную разведку! И разве пощадит его советский закон, даже если он явится с повинной, если расскажет о своих сообщниках, о тех заданиях, которые дала им американская разведка?..

Владимир украдкой покосился на Сергея и Николая. Явиться с повинной? Выдать их?.. Убить?.. Нет, он этого сделать не в силах! А если уговорить?.. Но пойдут ли они сами на такие уговоры? С Николаем шутки плохи: назовет предателем — и пулю в затылок...

Под потолком замигала синяя лампочка. Сопровождающий — долговязый американец — привстал, оглядывая «пассажиров» зоркими, без тени дремоты, глазами. Пора. Он распахнул дверь. Гул моторов ворвался снаружи, оглушая нестерпимым грохотом. Шпионы поднялись со своих мест. Владимир и Николай взглянули на Сергея. Он всегда во всем старался быть первым. Еще там, на даче в Баварии, его будущие сообщники заметили это. Он первым выходил, чтобы продемонстрировать инструктору перенятые приемы джиу-джитсу, первым отвечал на вопросы Джона и первым надевал наушники на занятиях по радиоделу. Но сейчас Сергей топтался возле раскрытой двери в нерешительности. Ему не хотелось сейчас быть первым.

Он высунулся из двери и в тот же миг почувствовал толчок сзади. Американец носком башмака толкнул его в парашютную сумку. Мгновение, и он ощутил рывок — раскрылся парашют. Окинув взглядом небо, он увидел неподалеку три купола. «Почему — три? — с удивлением подумал он и вспомнил: — Еще парашют с грузом»...

Двое сообщников Сергея тоже видели его парашют. Владимир время от времени поглядывал вниз, надеясь увидеть землю. Но внизу была только черная пустота. Он ощупал на поясе финский нож, гранаты, пистолет. И вдруг затрещали ветки, ломавшиеся под парашютными стропами. Еще мгновение, и наступила тишина. Странная тишина.

Владимир прислушался, надеясь уловить хотя бы гул моторов самолета. Но все было тихо. И снова его охватил страх. Кошмарный страх перед неизвестным.

Глава вторая

БОРЬБА ОБОСТРЕЕТСЯ

Старший пограничного наряда ефрейтор Ковалев и его напарник — молодой солдат, совсем недавно прибывший на заставу, долго всматривались в ночную темноту. Тьма была густой, казалось, даже — осязаемой. Только слабое волнение моря угадывалось по фосфорическим бликам, которые непрерывно возникали и пропадали вместе с волнами.

«Тихо кругом, — подумал Ковалев, вспомнив рассказы старых пограничников. — А когда-то это был беспокойный участок...»

Наряд спустился к морю. Запахло прелыми водорослями. Почти у самых ног слышался плеск прибоя. Ковалев посмотрел на часы. До рассвета недолго.

Пограничники молча шли по береговой полосе, а затем стали подниматься по влажной от росы тропинке, извилисто уходящей вверх между большими обомшелыми валунами.

Сколько раз Ковалев ходил по этой тропе — дозорной тропе пограннаряда. Каждый камешек, каждый кустик были ему здесь знакомы. И, появившись поблизости новый, даже небольшой камень или пенек, зоркие глаза пограничника моментально отметили бы это изменение в привычном пейзаже. Впрочем, в такую темную ночь ничего вокруг не было видно, и Ковалев больше слушал, чем смотрел.

Тропинка перевалила подъем и снова сбегала к морю. Из-под ноги молодого бойца выскользнул камень и со стуком покатился вниз. Оба остановились. И, если бы не темнота, младший наряда, молодой пограничник, поймал бы укоризненный взгляд ефрейтора, а тот, в свою очередь, увидел бы на щеках напарника краску смущения и досады.

Камень с плеском упал в воду, и пограничники снова двинулись по тропе. Теперь младший наряда старался ступать как можно осторожнее. Так шли они вниз, и тишина ночи не нарушалась шумом их шагов.

Спустившись, пограничники пошли по берегу моря. Мокрый песок шуршал под ногами. Небольшие волны с легким шелестом накатывались на берег, тихо ударялись о камни.

Вдруг привычное ухо ефрейтора уловило неясный гул. Он остановился, и немедленно позади замер его напарник. Гул то появлялся, то пропадал. «Сторожевые катера...» — подумал, было, Ковалев. Но что-то в этом гуле все же смущало его. Самолет? Да, самолет.

Запрокинув голову, Ковалев стал с напряжением всматриваться в звездное небо. В эту пору рейсовые самолеты над участком не пролетали, и о том, что ночью здесь должен пролететь самолет, вечером перед заступлением в наряд на инструктаже дежурный по заставе тоже ничего не говорил.

Гул приближался. Ковалев понял, что машина идет на небольшой высоте. Но где же опознавательные огни? Они должны быть видны.

Внезапно в глубокой вышине среди звезд мелькнула вспышка, словно кто-то сверху чиркнул зажигалкой.

Под ногой молодого пограничника хрустнула раздавленная каблук ракушка. Ковалев быстрым движением прикоснулся к его шинели. Он почувствовал, что его товарищ затаил дыхание.

— Без огней идет,— шепнул ефрейтор.— Не наш.

Гул мотора, похожий на жужжание большого волчка, проплыл над головой пограничников и стал удаляться в глубь советской территории.

— Наблюдай!— приказал Ковалев напарнику, а сам, спотыкаясь в потемках, бросился к полемому телефону.

Бесстрастный счетчик времени — маятник часов — равномерно отстукивал свое «тик-так, тик-так»... Дежурный офицер пограничной заставы, чтобы отогнать назойливую дремоту, в такт тиканию маятника ходил равномерным шагом по комнате из угла в угол. Он остановился у раскрытого окна, снял фуражку и, вдыхая свежий ночной воздух, с наслаждением потянулся.

Яркий свет из окна дежурного помещения желтым пятном падал на кусты пышного боярышника, тесно разросшегося перед окном. Был уже сентябрь, но природа словно не хотела сдаваться. Еще почти не видно желтых листьев.

Кругом стояла тишина. И только маятник продолжал свою неугомонную песенку — «тик-так, тик-так».

И вот эту тишину нарушило настойчивое и тревожное гудение зуммера. Дежурный шагнул к столу и снял трубку.

— Товарищ младший лейтенант, докладывает старший наряда ефрейтор Ковалев.— Голос у пограничника был взволнованный.— Неизвестный самолет без огней нарушил границу и углубился на нашу территорию!..

— Усилить наблюдение за местностью!— приказал дежурный.— Следите, не сброшены ли с самолета люди.

Тревога! Тревога! В ружье!.. Как часто приходится бойцам пограничных застав вскакивать среди ночи по боевому сигналу — минута на одевание, минута на построение с оружием в руках. Иногда это тревоги учебные. Иногда — боевые. Но в любом случае по этому сигналу, по громкой команде дежурного быстро и четко строятся

солдаты, готовые и к учениям, и к яростному бою с врагом.

Считанные минуты, и на смену тишине, только что царившей здесь, весь участок границы пришел в движение, словно вдруг кругом закипел шумящий водоворот.

Еще до того, как Ковалев услышал в ночном небе шум моторов, чуткие радиолокаторы засекли в воздухе цель. Оперативный дежурный службы ВНОС объявил тревогу и распорядился докладывать ему об обстановке через каждые три минуты.

Телефоны звонили без умолку. Бесшумно вращались антенны радиолокаторов. Радиометристы с пунктов сообщали:

— Цель движется прежним курсом. Скорость малая... Высота шестьсот метров. Цель неясна...

Операторы, сидевшие у аппаратов, едва успевали записывать сообщения. Было ясно — над советской территорией появился чужой самолет. С какими целями пересек он рубеж? Пограничники, заметившие его появление, сообщили, что сигнальных огней нарушитель границы не несет. Значит, это враг. Его нельзя было выпускать из поля наблюдения.

И вдруг сообщения прекратились...

— Позвоните на пункты! — нервничал оперативный дежурный. — Что там? Почему нет сообщений? — спрашивал он радиометристов.

Как бы в ответ на это, телефоны зазвонили вновь. Тревожные голоса в трубках сообщили, что цель потеряна.

— Ищите, ищите быстрее! — приказывал дежурный. — Включите резервные средства!

Спустя несколько минут с одного из пунктов доложили, что снова видят цель, идущую обратным курсом на большой высоте и скорости.

— Мерзавцы! — вырвалось у дежурного. — Удирают! Напакостили где-нибудь...

Начальник областного управления Комитета государственной безопасности полковник Телегин вызвал к себе в кабинет оперативных работников.

«Какова была цель у тех, кто летел на неизвестном самолете? Самолет мог быть разведывательным, мог и